

Пассионария с Молдаванки

На пассажирских пароходах одесской приписки ее за глаза называли Оппманшей. Достоверно известно, что в канун революции родители увезли ее из Одессы во Францию. В 37-м комиссар интербригады камарада Оппман сражалась в Испании, была ранена. В 60-е возглавляемая мадам Оппман парижская круизная компания "Транстур", в которой решающая доля активов принадлежала компартии Франции, занялась фрахтом пассажирских лайнеров ЧМП.

Об эскападах Ядвиги Филипповны Оппман в пароходстве развивали забористые легенды. Например, нижние чины с воодушевлением пересказывали байки о том, что Ядвига носится по Одессе на "пежо" без глушителя, курит термоядерные сигары, посылает хриплым голосом на три буквы гаишников, открывает ногой дверь кабинета начальника пароходства и легко находит управу на высший комсостав у самого министра морского флота товарища Гуженко. Долгое время по "морскому телефону" муссировался эпизод рукоприкладства разгневанной мадам Оппман, якобы влепившей оплеуху известному капитану.

Претензии к капитанам, с которыми она работала, и особенно к прислуге судов-"рысачков", у парижской одесситки копились конкретные и обоснованные. Так список замечаний на теплоходе "Литва" состоял из 86 позиций. Много нареканий вызывала организация питания. Трапезничали французы на борту семь раз в сутки, ни много ни мало: после завтрака к одиннадцати их потчевали еще бульончиками, а в 23 сытный день завершался пиццей.

— Хлопот с французами хватало, — вспоминает пассажирский помощник "Литвы" Игорь Лукшин. — Они более подвержены морской болезни, чем, скажем, немцы.

Изнеженных французов почему-то от наших откровенных борщей с непривычки слабило. Или пучило. Пришлось даже в рейс брать французского шеф-повара.

На стоянке "Литвы" в Марселе мадам Оппман позвонила из Парижа и пригласила пассажирского помощника приехать в центральный офис, чтобы обсудить детальнее огрехи совместного бизнеса. В специально присланную машину Оппман, именно тот "пежо", который стал красной тряпкой для одесских милиционеров, сели Игорь Лукшин, его помощник Геннадий Шапиро и для контроля плавающий сотрудник из строгих органов,

фамилии которых в голове обычно не задерживаются. Если путь до предместий Парижа занял часа четыре, то сквозь столицу до Пляс-Опера пробились часа два.

— Хорошо, что приехали, — сказала мадам Оппман. — Вопросов — вагон. На углу ресторанчик, там и потолкуем.

Поданные в больших раковинах моллюски привели мореходов в уныние и замешательство.

— Что вы смотрите на эти ракушки? — пришла на помощь Ядвига и показала, как надо бесцеремонно раскрывать створки.

На промашки сервиса обрушилась яростно:

— Я должна заниматься палубными шезлонгами или капитан? Чтоб стул для парохода купить, приходится звонить по "вертушке" чуть ли не в ЦК...

Когда экс-комиссарша понесла политику ЦК КПСС, с которой не собиралась мириться, водоплавающие стусеивались.

— Почему вы не задаете вопросы, не спорите? — провоцировала Ядвига. — У вас все хорошо?

Все было нехорошо, но у гостей отпала охота оправдываться, и потому Ядвига спровадила их на экскурсию.

— Я вам дам дочку эмигрантов для сопровождения, — пообещала. — Она покажет Париж.

После визита Лукшина в Париж офицерам "Литвы" рекомендовалось посещать в вечернее время салоны парохода и танцевать с французженками. Механики просили заменить вальсирование на три такта внеурочной ревизией четырехтактного двигателя.

— Считайте, что это у вас подвахта, — отрезал помполит. — Только не увлекайтесь. На греческих паромах экипаж, бывает, так вдрабадан навальсируется с туристками, что неизвестно, кто управляет пароходом.

Мадам Оппман активно вмешивалась не только в подробности меню, но и в режим движения одесских судов, работавших под флагом "Транстура". Так, например, капитан "Ивана Франко" Михаил Григор не укладывался в регламент швартовок, маневрировал чересчур осторожно, как она считала, на самых малых ходах, чтобы поставить к причалу "Ванюшку", теплоход "Иван Франко", "как лялю". Дело в том, что "И. Франко", головное судно серии из пяти единиц, сработанное на гэдээровской верфи "Матиас Тезен" в Висмаре, было в полном смысле и детищем Михаила Ивановича. Пишущий маслом капитан доработал еще в проектной стадии силуэт судна, для чего в каюте рисовал эскизы и мастерил макет из папье-маше.

Именно по его предложениям изменили конфигурацию и саму конструкцию мачты, подняли радиолокационное оборудование на специальную площадку, сделали более обтекаемой трубу — самую заметную с расстояния деталь. Григор предложил вопреки традициям покрасить корпус в строгий черный цвет и провести по нему две желтых полосы, что умерило диспропорцию куцега лайнера.

Естественно, при швартовках капитан оберегал первенца от навалов, обещающих неминуемую вмятину корпуса. Если же буксир-кантователь царапал корпус "Ванюши", то переживал за него, как за младенца, и благославлял матросов тщательно закрашивать шрамы грунтовкой. Матросы же, болтаясь на подвесках, понятное дело, сквозь зубы матерились.

Разумеется, затяжные маневры не устраивали взрывную Ядвигу, она настаивала, чтобы лайнер швартовался лихо, как эсминец, когда после команды "Полный вперед!" в метре от причала следует "полный назад". На Майорке из-за опоздания сорвались экскурсии и обед в береговом ресторане, и "Транстур" понесла убытки.

В пароходстве говорили, что Ядвига напрямую через генсека Мориса Тореза и чуть ли не через Политбюро ЦК КПСС потребовала немедленной отставки Григора, не выдержавшего фиксированного расписания.

Морис Торез с сыновьями частенько катался на "Литве" и "Башкирии". Пьер Торез был единственным иностранцем, которому вручили советский паспорт моряка, зачислив в мотористы второго класса. Кстати, сыновья после его кончины стали ревизионистами и исповедовали евро-социализм. В самом парижском офисе компании "Транстур" работали члены политбюро компартии Франции — кавалер ордена Почетного легиона, освобождавший Париж, месье Пенсо, член политбюро мадам Латисье. Один из сотрудников "Транстура" был близким родственником главного редактора "Юманите", и разумеется, тоже членом политбюро.

Капитана Григора сняли прямо в рейсе. Он довел "И. Франко" до Гибралтара и передал штурвал молодому тогда капитану Петру Кравцу. Михаил Иванович Григор — герой обороны Одессы. Когда на пароход "Фабрициус" пикировали немецкие торпедоносцы, он встречал их лендлизовским пулеметом "мартин", установленным на правом крыле мостика. А старпом потом с правого крыла провожал стервятников из своего "мартина". После прямого попадания торпеды в район котельного отделения Григор был ранен, контужен.

После отлучения от "И. Франко" капитанил на барке "Товарищ", учебном судне одесской мореходки. В 1972-ом "Товарищ" под его командой

прибыл в Балтимор на 175-ю годовщину спуска парусного судна "Констейшн". Еще в 1910 гимназист Миша Григор увлекся парусами в николаевском яхт-клубе. В 70-м на "И. Франко" его разыгрывали, звонили ночью в каюту и от имени системного механика просили проверить напор горячей воды. Он не ленился встать, шлепал к раковине и простодушно открывал кран...

Летом 72-го "Иван Франко", уже без Григора, приняв на борт в Гавре французских туристов, отправился в заполярный круиз. Извилистый и живописный Главный фьорд Норвегии, как и любая шхера, заканчивался тупиком, где пароход стал на якоря. Пассажиров доставляли на пустынный берег мотоботами. Пожилых дам, упакованных в норковые шубы (это в июле-то!), матросы выносили на руках. На берегу не предусматривалось ни жилья, ни построек, ни таможни, только шоссе упиралось во фьорд. По нему и увезли автобусами пассажиров за восемь верст к символической северной точке Европы мысу Норд Кап — кульминация месячного путешествия.

Команды мотоботов остались ждать возвращения французов. У берега скучал рядом с оленем человек в кухлянке, украшенной орнаментом и побрякушками. Норвежский саами икал, то ли от холода, то ли от выпитого. Было заманчиво сфотографироваться рядом, и автор предложил жителю севера "чендж" — пачку болгарского "Опала". Сигареты его не вдохновили, он хотел добавить, накатить, как говорится, рюмку, и торг затянулся. Из подъехавшего катера вышла мадам Оппман и, сразу оседлав ситуацию, как говорится, взяв оленя за рога, строго сказала:

— Ничего ему не давайте! Его участие в экскурсии вместе с оленем оплачено фирмой. Так что фотографируйтесь.

Подкатил двухъярусный автобус, Ядвига поднялась в него вместе с сотрудниками дирекции круиза.

— Если хотите на Норд Кап, то вперед с нами! — она показала в проеме двери.

Автор с мотористом Леней Либерманом радостно полезли.

Пока мчались сквозь тундру, Ядвига наливала для согрева "Наполеон" в походные серебряные наперстки.

— За тех, кто в море, не чокаются, правильно? — она подмигнула. — За перевозку пассажиров команды мотоботов получают отдельный презент. Только "левых" не дописывайте, я вас всех знаю в лицо!

— Спасибо, Ядвига Филимоновна! — разболевшийся Леня Либерман назвал ее Филимоновной, она не поправила.

Когда Либерман стал трезветь, то забеспокоился. Пора было заступать на вахту, а мы продолжали околачиваться в домике на высоком обрыве Норвежского моря, где толпа французов билась в очереди за марками со штампом спецгашения. Леня острограммился уже за свои кровные и напомнил:

— Филимоновна, на вахту опаздываем.

Ядвига выделила нам персональный автобус, доехали мигом, но как на грех все мотоботы уплыли на середину фьорда, экипажи оголтело таскали треску на самодуры.

— Байда меня теперь размажет по стенке котла, — Либерман по-самоедски икнул.

Вахту Либерман стоял в котле с третьим механиком Байдой. Байда регулярно находил под плитами журналы "Юность", Леня забывал, где прячет. Потому Байда обижался на профгруппах:

— Если он еврей, значит, ему можно читать на вахте?

Байду величали Андреем Трофимовичем, но в судовой роли он был записан Адольфом, в тридцатые нарекали Адольфами так же неумеренно, как в пятидесятые Эдиками.

Командам мотоботов, как и обещала Ядвига, выдали презент: фирменную сумку "Транстура".

— В сумке журнал мод "Неккерманн" и конверт, — предупредил стармех. — Конверт отнесете помполиту. Валюта будет истрачена на улучшение рациона питания экипажа.

Кормили экипаж на "Иване Франко" от пуза, кок Валера готовил с фантазией, даже фруктовыми рисовыми супчиками потчевал, так что в улучшении рациона мы не нуждались.

В конвертах обнаружили по 150 долларов — целое состояние. Сотенные купюры надежно спрятали в машинном отделении и отправились к первому помощнику. Помпа раскрыл конверт, достал полусотенную асигнацию, еще раз копнул и спросил:

— А где остальные?

— А что, там что-то еще полагалось? — Либерман простодушно заглянул в конверт и возмутился: — И здесь францы нас накололи!

Об экспроприации, естественно, кто-то доложил Ядвиге, потому что пароход — это впечатлительная деревня, живущая сплетнями, слухами и страхами. Случилась сцена, как в третьем акте, где бывшая комиссарша прошла в адрес товарища Гуженко, начальника пассажирской службы ЧМП товарища Петухова, а также члена Политбюро товарища Андропо-

ва, стукачество она особенно не воспринимала. Финалом третьего акта стала оплеуха, которой экс-комиссарша по-свойски одарила комиссара прямо на ходовом мостике. Причем рукоприкладство случилось якобы после того, как помпа преподнес в знак перемирия Ядвига серьезный букет. То ли помпа сам не уклонился в момент неумеренной жестикуляции, то ли Ядвига от большого отчаяния действительно кинулась в рукопашную, никто толком не знает, — с рулевых матросов взяли подписку о неразглашении скандала.

В Гавре заполярный круиз закончился. Мы возвращались с Либерманом из города, когда развели мост на тамошнем канале. Из Сены пропустили караван, мы явно не успевали вернуться в срок на борт. Либерман снова балансировал между жизнью и увольнением, испытывая терпение Адольфа Байды. К шлагбауму подъехал "пежо". Из него выскочила мадам Опшман и закричала:

— Почему, падлюки, мост подняли на десять минут раньше?

Она набросилась на мостового рабочего. Тот сначала опешил, потом стал оправдываться, но она его уже не слушала.

— На вахту в Норд Капе успел? — спросила у Либермана.

— Наплевать! Я все равно в Израиль уеду, — пообещал Ленька.

Разводчик мостов попросил ее отъехать от шлагбаума, пора было опустить пролет, машина мешала.

— А, иди в жопу-у-у! — пожелала мадам с расстановкой на манер Равневской, плюнула в канал и нажала на стартер.

Прожила она долго и, говорят, оставила этот мир совсем недавно, чуть не дотянув до столетнего юбилея. Уровень нашего "сердечного, но деревянного сервиса" Ядвига Филипповна хотела приблизить к мировым стандартам, но так и не подняла, вовремя поняв, что это невозможно. Крах Империи здесь ни при чем. Разумеется, мадам Опшман пускала в ход и козыри, которые имелись на советских судах, например, компания приобретала костюмы для самодеятельности. Судовая самодеятельность была всегда на высоте. Пока наша страна не превратилась из музыкальной в плейерную.

Работа в тандеме с "Транстуром" была несомненным прорывом, пробным камнем, после которого наши лайнеры стали фрахтовать и "Неккерманн", и "СТС", и "Италтурист", и "Гранди виаджи", "Ян райзен", "Зееадлер кройцфарген" ("Путешествия морского орла") и другие. Сейчас на наших трижды переименованных "рысачках" прислуга — стюарды и бармены, — в основном, выходцы из Индии и Филиппин, ненормированно ра-

ботають за чаевые, наших же с их загадочной и неистребимой сердечностью не приглашают.

Увы, заповедник социализма инфузорно разделился на резерваты, и мы уже не диковинка, мы утратили самобытность, а именно на наивность и неуклюжесть делала ставку мадам Оппман. Бизнес же "Транстура" унаследовала племянница, которая вскоре продала убыточную круизную фирму в Португалию.

